

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Биография smerti : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103810-6

Таня Садовникова получила предложение, от которого не смогла отказаться, — отправиться в расположенный высоко в горах особняк, чтобы помочь его хозяйке, миллионерше Марине Холмогоровой, написать автобиографию. Книга обещает стать бестселлером: Холмогорова, девочка из бедной семьи, некогда жившая в каморке при кладбище, сейчас входит в десятку самых богатых людей страны. Как и положено преуспевающей бизнес-леди, она авторитарна, жестока, да и порядки в ее особняке странные: телефонная связь отсутствует, а обитателям дома категорически запрещено выходить из своих комнат, едва наступает ночь. Марине Холмогоровой действительно есть кого бояться. Муж ее ненавидит. Единственный сын — презирает. Друг детства покушается на ее бизнес. Заместитель — обкрадывает. И все они только и мечтают о том, чтобы откровенная книга Холмогоровой не увидела свет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103810-6

ГЛАВА 1

НЕЛЛИ

Все кончено.

Выбрали не меня — другую. Ей теперь достанется все, а я... А я — просто лузер. Меня никогда не будут осаждать журналисты. И поклонники не станут толпиться в подъезде, и очередь за моими автографами не выстроится.

А ведь имелись все шансы, чтоб победить: острый ум, быстрая мысль, непринужденные манеры.

Но я так и осталась всего лишь *подающей надежды*. Первой — но на деревне. А если совсем честно, то бракованным экземпляром. Сошедшей с дистанции...

Интересно, как она выглядит, моя соперница? Наверняка толстая, нудная, наставительная. С тяжелым, пронзительным взглядом. Почему-то еще представлялся старомодный, темно-коричневый, обязательно с шалью на плечах, костюм. И туфли с тупыми носами. На юбке — сигаретный пепел. Обо всем свое мнение, на любой случай цитата, и слова поперек не вставишь. Именно такие в нашем мире и добиваются успеха. А мы, молодые девчонки, вечно на вторых ролях. Очень нечасто нас приглашают на скромные, кабельные телеканалы. Изредка попадаем на страницы газет — не самых популярных. Блистаем на малозначительных фуршетах. А на серьезных, профессиональных мероприятиях — теряемся за спинами таких вот грандам. И не обойти их, не объехать. Только если уж совсем богатого мужика снять, который на твою раскрут-

ку миллионов не пожалеет. Но где такого найдешь, особенно в глуши?.. «Мерседес» мне предлагали, это да. Изящный, девичий, А-класса. Но что такое, по большому счету, «Мерседес»? Продай его — и всего-то на пару эфиров в прайм-тайм на центральном канале хватит.

Но, может, не все еще кончено? Ведь мой ум остался при мне. И упорство осталось. И, черт возьми, талант! Он дрожит под пальцами, вырывается из-под сомкнутых губ. Не будь его, я б наши горы по-другому видела. Не замечала бы хрусталия снегов. Не умела бы описать ропот несгибаемых сосен и паутину лыжных подъемников на вершинах.

Неужели я не найду способа, чтобы люди узнали обо мне? Ведь и не из таких ситуаций выкручивалась. Еще лет десять назад была вообще никем, у любого бомжа статус выше. Однако ничего, поднялась.

И сейчас поднимусь. Не сдаваться же!

Я хочу, хочу, хочу стать знаменитой!

И я — стану.

Даже если для этого мне придется кого-то убить.

ИГОРЬ

Он всегда был звездой. Лучшим. Не только на курсе, но и во всем институте.

А разве может быть иначе, когда в наличии быстрый ум, хороший рост, складная фигура? Лицо, правда, подкачало: глаза серые, скучные, черты мелковатые и рот безвольный. Но, во-первых, мужчина чуть симпатичней обезьяны — уже красавец. А во-вторых, в Институте европейских языков, где сплошь девчонки, любой, у кого в штанах шевелится да который не полный «ботаник», — сразу король. К тому же он всегда чувствовал, к кому надо подластиться, а на кого можно прикрикнуть. И рассуждал бойко. И всегда в нужном месте умел оказываться.

А на третьем курсе подсуетился до такой степени, что его в Париж отправили. И не просто на стажировку (хотя многие бы и этому позавидовали), а переводчиком, что куда престижней. Да еще суточные платят. В инвалюте! Плюс полезные знакомства.

Очень удачно вышло: столичный Театр драмы выезжал во Францию на гастроли. Театр известный, в труппе сплошь звезды и примы. А артисты, они ж, все знают, безъязыкие, в смысле, один русский знают, да и то фигово, зато все с гонором. Каждому подавай собственного переводчика. Но профессиональных не напашешься, и слишком дорого, а вот если студентов за копейки и бесплатную поездку набрать, то получается в самый раз.

Вот он и оказался в свои несерьезные двадцать лет — при самом Пыльцове, звезде из звезд.

Александр Пыльцов в ту пору тоже был молод, всего двадцать восемь, но уже блистал на всю страну. Хотя таланту, шептались за спиной, бог отмерил средненько, и лицо самое заурядное, совсем не Делон. Однако удалось попасть в обойму. То ли помогло, что когда-то карате занимался и теперь вполне умело махал ногами и кулаками перед камерой. То ли супруга — толстая, нескладная, зато дочка, ни много ни мало, министра — карьере способствовала. Первый же фильм, где Пыльцов сыграл главную роль, лабуда про пиратов, погони да клады, принес ему сногшибательную популярность. Журналисты, поклонницы, народная любовь — даже мальчишки во дворах теперь «в Пыльцова» (точнее, в его киногероя) играли. И в родном театре, на волне-то кинославы, удалось вознестись. На актере теперь и «Женитьба», и «Гамлет» держались, а известный композитор писал специально под новую звезду мюзикл.

Ну, а раз звезда — девки с катушек слетают мигом. Пыльцова даже в Париже узнавали, хотя наших там в середине восьмидесятых было раз-два и обчелся. Но все равно находились — бросались, радостно хлопали глазами, молили автографы.

Часть всенародной любви доставалась переводчику. Многие девицы ему тоже глазки строили. Надеялись, наверное, что он им поможет к звезде подобраться.

А когда из Парижа вернулся, популярность в институте взлетела до небес. Он мимоходом, небрежно, фотки продемонстрировал. Вот они с Пыльцовым в ресторане — за одним столиком. А вот что-то горячо обсуждают в гримерке артиста. Или: бок о бок, за спинами маячит Эйфелева башня, идут по улице...

И даже *она*, скромница, однажды решилась. Явно смущаясь и трогательно краснея, спросила, не получится ли у него когда-нибудь достать ей билет в Театр драмы на спектакль с участием знаменитости. Добавила: «Только ты не волнуйся, не бесплатно, я, конечно, заплачу, сколько скажешь».

С билетами (точнее, с контрамарками, без мест) у него благодаря Пыльцову проблем действительно не было. Хорошая в те времена валюта. И столик в ресторане в обмен можно получить, и зачет — если, конечно, принимают не зажавшиеся преподавы, а скромные аспиранты. Но стоит ли расходовать халяву на эту мышку?

Однако он взглянул в молящие глаза девушки — те оказались серыми, глубокими, зовущими... Мимоходом коснулся худенькой руки. Быстрым взглядом оценил ладную, непонятно зачем скрытую широченными джинсами попку. И решил: от него не убудет. Не только контрамарку подарит, но и лично выгуляет простушку в Театр драмы. Затраты, времени и денег, минимальные, а очередной ни к чему не обязывающий секс никогда не помешает.

...Как же потом, спустя годы, он проклинал тот хмурый ноябрьский день, когда надумал пригласить ее в театр!

«Ты сегодня вечером не занята?» — «Нет, конечно!» И смотрит на него, будто овца, ведомая на заклание. Таковую достаточно было покатать на трамвае, а он, дурак, зачем-то целую культурную программу разработал:

театр, буфет... Да и еще взялся перед ней хвост распушать — после спектакля в гримерку к Пыльцову привел. Тот (оваций и цветов хватало) пребывал в духе. Обоих обласкал: беседа почти на равных, автограф, очередная обаятельная, Пыльцову не жаль, улыбка, адресованная лично ей... Ну, а он — связующее звено. Проводник в красивую жизнь.

В общем, прилепилась наша серенькая мышка после того вечера к нему намертво. Будто ракушка-присоска. А он, нет бы отодрать и без жалости раздавить каблучком, принимал ее поклонение как должное. Когда посылал, когда снисходил. И, сам того не замечая, все приближал и приближал ее к себе.

Вот и доигрался. Они и сейчас, спустя двадцать лет, вместе. Только ситуация теперь изменилась с точностью до наоборот. Звездой стала она. А он — при ней. Никто. Тень. Ноль. И даже постаревший Пыльцов, когда приезжает к ним в особняк в гости, первым делом кидается к ней. Лебезит, целует ручки, вьется вокруг, а ему — лишь сдержанно кивает. Понимает актеришка: у кого деньги, у того и сила.

И она поклонение звезды с достоинством принимает. Куда только подевались неуверенный взгляд, тощая спинка, хрупкие плечики. После рождения сына располнела, заматерела, но лишние двадцать кэгэ сбрасывать не сочла нужным. И голос стал каким-то трубным, и манеры — будто у базарной торговки.

Однако никуда ведь от нее не денешься. Живешь вместе и ждешь — о, насмешка судьбы! — обещанного: «Покуда смерть не разлучит вас...» И терпишь ее бесконечные выходки.

Она уже давно единолично выбирала, где жить, что есть, куда ехать, кого нанимать в прислуги, на каких машинах перемещаться, *к чему стремиться, как жить...*

И он ей все это позволял. Терпел. Надеялся. Но и его терпение не беспредельно.

По крайней мере, последний проект супруги обречен. Уж он-то об этом позаботится...

Одноклассница Юлька была для Миши Беркута лучшей девчонкой в мире.

И когда ее не стало, вся жизнь для него замерла.

Зеленые с искорками глаза. Точеный носик. Капризные, вызывающе пухлые губки. Ослепительно-белая кожа — моду на загар Юлька игнорировала, опасалась веснушек.

Она очень боялась подурнеть, превратиться в старуху... Но Беркут не сомневался: Юлечка и в семьдесят лет будет для него самой прекрасной и самой желанной. Он даже хотел, чтобы она поскорее состарилась, потому что пока молода, слишком много охотников за ее стройными ножками, за осиной талией. За прекрасным медом волос. За нежным, будто ручеек плещет, смехом...

Юлька, богиня, обходила Мишу по всем статьям. Прелестное личико уже давно мелькало в журналах, по всему городу плакаты с ее лукавой улыбкой. Конкурсы красоты, эфиры на радио... А у Беркута всех достижений — пятерки да пояс по карате. Правда, тоже в их классе считается симпатягой, и одноклассницы на него заглядываются. Но зачем они ему? Девчонки из класса — они ж обычные, любому, кто портфель поднесет да матом не кроет, рады. Примитив, воробышки. Разве это добыча — особенно для человека с фамилией Беркут? Беркут — хищник, птица высокого полета. У такого, как он, и пара должна быть соответствующая. Юлька. Самая прекрасная девушка на планете.

А пока они просто дружили. Юля улыбалась его анекдотам, радовалась, когда он решал ей задачки, и не воспринимала его всерьез. Не понимала, глупышка, что Беркут — птица серьезная. Дальновидная и терпеливая. В засаде может до нескольких часов выжидать, а потом одним махом налететь, вонзиться в жертву когтями, схватить, унести в высь.

Он бережно, как бусинки, собирал их встречи. В по-

недельник присела на краешек его парты... Во вторник — вместе перекусывали в школьном буфете... В среду, после уроков, проводил ее домой... А в четверг, ура, даже вне школы виделись — Юлька согласилась, чтоб встретил после съемок, и потом целый час по набережной вместе бродили... И она все поглядывала на окрестную публику, подмечала, у кого какие бриллианты, да острым взглядом вычленяла на фланирующих дамочках «родные» Прады да Гуччи... А Беркут шел рядом и гадал: если прямо сейчас, в шестнадцать, заделать Юльке ребенка — оставит ли она его? Смирится? И если да, то не будет ли вечно упрекать, что похоронил ее молодость в ползунках да пеленках?

Не решился, конечно. Не посягнул на богиню. Только целовал. А зря. Был бы сейчас сын — такой же, как она, голубоглазый. Или девчонка — светленькая и стройная...

А так — никакого следа от Юли не осталось. И вырасти она не успела. Десять лет с ее смерти минуло, а почти никто не помнит ее. Родители умерли, подружки давно забыли. Ну, в школе фотка висит. В Интернете, если в поисковик фамилию забить, десяток старых ссылок выпрыгнет. И все. Жизнь прекрасно обходится без нее. И блистают, улыбаются, строят блестящие карьеры теперь уже совсем другие. А Юлечка так и осталась вечно молодой. Беспечно улыбается с могильного памятника. И — с множества фотографий в его квартире.

И до сих пор ждет, что за нее отомстят.

ТАНЯ САДОВНИКОВА

Личная секретарша в их рекламном агентстве полагалась только генеральному директору, что было обидно.

По крайней мере, Таня Садовникова совсем бы не отказалась тоже иметь помощницу. Как удобно: можно потребовать кофе, прикрикнуть или за бумагой для принтера отправить.

«Имей совесть! — возмущалась мама. — Совсем заелась, жалуешься, что секретарши нет...»

На мамин старческий — и застойный! — взгляд, Таня была устроена в жизни — лучше некуда. Творческий директор в крупном рекламном агентстве. Своя квартира. Машина. Две шубы. Зарплата с вполне достойным количеством нулей. И — совсем уж нахальство! — даже домработница. (А иногда Татьяна поддразнивала родительницу и обещала вдобавок нанять кухарку.)

Мечта, короче, обывателя. Выедешь вечером в центр — на новенькой иномарке, на пальце ненавязчивые, но впечатляющие бриллианты, стройное тело скрыто очередной дорогой тряпкой — так и ловишь на себе завистливые взгляды.

Не объяснишь ведь завистникам, что вкалывать изо дня в день приходится только в офисе по двенадцать часов. А реально получается все двадцать четыре, потому что проблем-то из головы не выкинешь. Одновременно Таня вынуждена работать над четырьмя-пятью проектами. Для каждого нужна собственная, отличная от других, концепция. Вот и варятся идеи круглые сутки. Даже ночью, бывает, просыпаешься от того, что полезная мысль в голову пришла. И вместо того, чтоб на другой бочок перевернуться и снова «отплыть», к компьютеру бежишь — записывать, а то вдруг к утру забудется.

Но одним креативом, хотя ее должность и называется *творческий директор*, конечно, дело не заканчивалось. Еще ей приходится с заказчиками ругаться. Подчиненных строить. Начальство — над ней ведь и исполнительный директор, и генеральный — обхаживать... Вот и считай: удалась ли жизнь или нет. Стоят ли две шубы и пусть крутая, но взятая в кредит машина подобных лишений?

Годков-то Татьяне уже нашелкало немало. И пусть первые морщинки пока легко маскируются хорошим тональником, но тревожная тенденция налицо. Глаза становятся все более усталыми, а характер — склоч-

ным. Так скоро можно и в истеричную мымру, героиню «Служебного романа», превратиться.

Многие из ее окружения кокаин нюхают. Говорят — чтобы стресс снять. И если раньше Таня подобных слабаков просто презирала, то сейчас уже начала *понимать*. Хоть какая-то, пусть и порочная, у людей отдушина, иллюзия свободы и счастья. А у нее — сплошная скучная беготня. Из развлечений — редкий, раз в две недели, массаж в хорошем салоне. Или эпизодический шопинг. Да еще, если вдруг удастся в шесть вечера с работы вырваться, театральные премьеры. Но сколько раз бывало: сидишь в театре — и носом клюешь, потому что вечно не выспавшаяся. Или того хуже: бездумно смотришь на Хлестакова или Фигаро, а в голове совсем посторонние мысли вертятся. Например, как удачнее впарить потребителю очередные жвачку или шампунь...

Еще пара лет такой сумасшедшей жизни — и тоже начнешь кокаин нюхать. А еще через пять — загремишь в клинику неврозов.

Но где выход? Замужество, беременность, декретный отпуск, чем спасаются многие девчонки, точно не для нее. С тоски помрешь! Просто уволиться, пожить для себя? И осуществить детскую мечту: пойти, забавы ради, в продавщицы мороженого? Романтично, конечно, но только и жить тогда придется на зарплату продавщицы. Накоплений-то никаких, вся зарплата улетает — ипотека на квартиру, кредит на машину, плюс тряпки... Порочный круг.

Вот и сегодня: на часах уже девять вечера, а она до сих пор в офисе. Пытается понять, *что плохо* в сценарии ролика про йогурт, весь, как положено, кишачий полезными бактериями. Вроде и идея хорошая, и слова грамотно в предложения сцеплены, а искры нет. И откуда эту искорку добывать, когда презентация заказчику завтра с утра, а голова уже никакая, решительно непонятно.

Таня даже обрадовалась, когда у нее на столе вдруг

зазвонил городской телефон. Кто бы ни был — хоть на пару минут отвлечься. Повалить дурака.

Она сняла трубку и проворковала, подражая образцовой секретарше:

— Рекламное агентство «Ясперс энд бразерс». Чем могу вам помочь?

Мужчина на другом конце провода явно был озадачен:

— Э-э... мне вообще-то нужна Татьяна Садовникова.

Действительно: ведь он звонил на ресепшн, и оттуда его переключили на Садовникову. Но вдруг еще одна секретарша нарисовалась...

Ну и пусть помучается. Мало ли, может, у них в агентстве секретарей — десяток. И Таня, не выходя из роли, потребовала:

— Как вас представить?

— Антон Шахов...

«Хм, имя мне ничего не говорит», — мелькнуло у Садовниковой.

— Личный помощник госпожи Холмогоровой, — закончил мужчина.

«А эту фамилию я где-то слышала...» — подумала Татьяна и строго произнесла в трубку:

— Минуточку, я узнаю...

А сама быстренько пощелкала кнопками компа, заскочила в «Яндекс», вихрем вбила в окошко поиска «Холмогорова». «Одна из десяти самых успешных в России бизнес-леди», — тут же откликнулся компьютер.

Что ж. От таких контактов не отказываются — даже вечером, когда голова уже не варит. И Таня, убрав из голоса бархат, вернулась на телефон:

— Да, Антон, я вас слушаю.

— Вы — Татьяна Садовникова? — уточнил мужчина.

«Неужто заподозрил, что я под секретаршу подделывалась?» — усмехнулась про себя Таня и постаралась еще больше изменить тембр голоса:

— Точно.

— Что ж, очень рад, — не стал больше цепляться со-

беседник. И, с места в карьер, выпалил: — Я прилетел в Москву специально, чтобы встретиться с вами. Я еще в аэропорту, самолет приземлился десять минут назад. Мы могли бы с вами вместе поужинать? В любом месте, где скажете. В половине одиннадцатого вас устроит?..

«Вот это напор! Чего ему, интересно, надо?» — удивилась Таня и сухо ответила:

— Нет. Вечер у меня занят.

Да, занят — тем, что сейчас она наконец сматается из опостылевшего офиса. Доплетется по вечным столочным пробкам домой и без сил рухнет в постель.

— Очень жаль, — искренне расстроился собеседник. — А завтра в какое время вы можете? Я подъеду куда угодно... Допустим, ланч в «Пушкине». Подойдет?

«Бальзам на душу», — порадовалась Татьяна. Обычно, когда имеешь дело с *крутыми*, самой приходится подстраиваться. То мчатся на встречу к семи утра, а то и вовсе лететь куда-нибудь в Анадырь.

— Подойдет, — не стала ломаться Садовникова.

— Отлично! А в котором часу? — жизнерадостно поинтересовался Шахов.

Татьяна же наконец спохватилась:

— А по какому, собственно, поводу... мы будем с вами встречаться?

И натолкнулась на значительное:

— Ну, повод, Таня... то есть, конечно, Татьяна Валерьевна... повод вам, надеюсь, очень понравится.

ХОЛМОГОРОВЫ

Станислав встретил ее, как всегда, пустым, невидящим взглядом. Стасик, ее сын... Любимое золотко, надежда, сокровище...

Его кресло стояло у окна. В распахнутые створки врывались утренние ароматы: росы, тумана, сплывающего с дальних гор, напоенной ночным дождиком земли...